

Борис Белик

Тугайно-тростниковый скиффл

18+

Борис Белик

Тугайно-тростниковый скиффл

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Белик Б. Д.

Тугайно-тростниковый скиффл / Б. Д. Белик — «ЛитРес:
Самиздат», 2019

В сборник вошли охотничьи рассказы разных лет. В них много познавательного о крае, местности. Авторские ремарки о природе, о мыслях и чувствах, которые она пробуждает, органичны и ненавязчивы. Хорошо читаются характеры охотников. Ярко представлен их быт. Удачно описаны собачьи «личности». Нет перегибов в сторону охотничьего азарта. Манера повествования неспешная, уютная, отличается хорошим, добрым юмором. Это «вкусно» читать. В оформлении обложки использованы фотография и рисунок автора книги.

*«Охота с ружьём и собакой прекрасна
сама по себе – FUR SICH, как говорили
в старину, но, положим, вы не родились
охотником, но все-таки любите природу:
вы, следовательно, не можете не
завидовать нашему брату...»*

И. Тургенев «Записки охотника»

К ВОПРОСУ О ТОМ, КАК СТАНОВЯТСЯ ОХОТНИКОМ

I

Приобщил меня к охоте Николай. Он привел меня в этот удивительный мир, где можно было любоваться дикой природой, наслаждаться ее благоуханием и при этом жить ожиданием дичи, поиски которой позволяют забыть о монотонности движений, свойственной праздному созерцанию окружающей действительности, наполняют всепоглощающей страстью и азартом.

Мы познакомились и подружились в восьмом классе. К тому времени Николай уже имел приличный охотничий стаж. Его отец, по образованию инженер лесного хозяйства, охотой увлекался с детства. Поэтому своего сына познакомил с этой старинной забавой тоже в раннем возрасте. В четвертом классе Николай уже бродил с «воздушкой» у дома, пытаясь добыть воробьев. Позже отец брал Николая на перепелиную охоту с легавой – ирландским сеттером Диком. А в 14 лет вручил ему одностволку 16-го калибра.

В 9 классе мы ходили с Николаем на благородную дичь. Ни охотничьих билетов, ни путевок, а тем более лицензий тогда никто не требовал, равно как и разрешения на ношение и хранения оружия. Мы с собакой садились в автобус, проезжали 3-4 остановки в сторону Медео и шли в горы. На прилавках, где по склонам рос шиповник, гоняли фазанов, а выше, в ельнике, охотились на тетеревов. Тогда Николай брал отцовскую двустволку, а мне давал свое ружье.

К весне следующего года из девяти одноклассников в наше «общество» охотников и рыболовов записались пятеро. К нам примкнули Сергей с Женькой, которые жили в горах в небольшом поселке и с юных лет промышляли охотой в окрестностях, а пятым участником неформальной организации стал Юрий.

Еще всех нас объединяла страстная приверженность к велосипедам. На них мы проводили почти все свободное от занятий время. А в те короткие моменты, когда прекращали крутить педали, с головой погружались в ремонтные работы. Как оказалось на практике, кроме рамы, велосипед имел множество деталей, требующих нашего усиленного внимания. Наиболее уязвимым местом в советских дорожных велосипедах был тормозной барабан. Именно данный механизм подвергался непрерывной разборке и сборке. В результате грубого вмешательства в тормозную систему машины мы частенько ездили вообще без тормозов. А чтобы время от времени останавливать стального коня или усмирять его пыл, снимали переднее крыло и тормозили подошвой ботинка, вставленного в основание передней вилки. От трения с покрышкой нижняя часть обуви имела четко выраженную канавку, по глубине иногда доходившую до стельки...

Но это другая тема, и в контексте данного повествования упоминается для того, чтобы убедить читателя в том, что к моменту нашей первой коллективной поездки на утиную охоту велосипед рассматривался единственным средством передвижения к намеченной цели и возвращения в родные пенаты.

II

К началу весенних каникул мы тщательно подготовили свои велосипеды для дальней дороги с твердой установкой добраться до разливов реки Или в район камышзавода. По нашим подсчетам, протяженность маршрута должна была составить не менее 150 километров.

И как только наступила долгожданная дата убытия, рано утром все собрались у меня во дворе дома. Последним подкатил Николай на новеньком велосипеде «Турист». Мы обступили чудо-технику, внимательно рассматривая детали. Велосипед имел три передачи, то есть три звездочки разного диаметра на заднем колесе, посредством которых можно было менять нагрузку на педали в зависимости от рельефа. Для этого требовалось лишь нажать на ручку, установленную на раме, и цепь перемещалась на нужную звездочку. Вместо тормозного барабана на обоих колесах стояли резиновые колодки, приводимые в движение тормозными ручками на руле. Сам руль был изогнут, как у гоночного велосипеда, но, в отличие от него, на «Туристе» были установлены крылья и багажник, а обода колес были заметно шире. Таким образом, внешний вид рассматриваемой машины указывал на возможность использования ее для передвижения по туристическим маршрутам с пересеченной местностью.

Николай невозмутимо достал из заднего кармана носовой платок и принялся заботливо обтирать раму и крылья, любуясь своим приобретением, хотя велосипед и без того блестел в лучах восходящего солнца. Для него эта игрушка была дорога тем, что купил он ее на свои кровные деньги, заработанные в геологической партии. И гордости его не было предела.

– Ну, поехали, – скомандовал я, и мы тронулись в путь.

Судя по тому, как мы были экипированы, нетрудно было догадаться, что собрались мы в дальнюю дорогу, причем с четко выраженными намерениями. У каждого за спиной висел рюкзак со сменной одеждой и съестными припасами. На багажниках уложены сумки, коробки с боеприпасами и постельными принадлежностями. Собранные ружья висели наперевес, так как чехлов для них ни у кого не было. Но это обстоятельство ничуть не смущало ни нас, ни прохожих, попадавших нам по дороге. Никто не шарахался и не прятался при виде вооруженных молодых людей. Очевидно, наличие оружия при болотных сапогах было красноречиво само по себе.

На выезде из города произошла первая незапланированная остановка. На заднем колесе «Туриста» образовалась приличная «восьмерка» – наверное, от перегрузки багажника. На выравнивание обода ушло около часа. А сам инцидент убедил нас в том, что новые вещи, а тем более машины и механизмы, после их приобретения требуют обязательной доводки. То есть ножи необходимо точить, а гайки, винты, спицы – докручивать. С этим твердым убеждением мы продолжили путешествие.

Свой первый привал мы устроили в тридцати километрах от города на Фрунзенских озерах. Разбили лагерь и отправились на охоту. Юрий, для которого это была первая в жизни охота, с Колькиной «воздушкой» остался охранять имущество.

Мы без усталости бродили по берегам небольшой речушки, поросшей мелким тростником, в надежде поднять в заводинках крякву; по заболоченным местам на разливах, где с пронзительным писком то и дело взлетали кулики; осторожно подкрадывались к озерцам и лужицам на сырых лугах близ кустарника, ожидая увидеть на водной глади уток.

В поле у воды проворно бегали чибисы. Их легко было отличить от других птиц по длинным хохлам черного цвета на голове. Поднявшись, они весело кувыркались, сверкая белым оперением на брюшке и по бокам. И хотя Николай заверил нас, что чибис является объектом спортивной охоты, я не помню, чтобы мы охотились на них. К тому же они были достаточно осторожны и не подпускали на выстрел. Лично мне доставляло удовольствие просто любоваться этими прекрасными птицами величиной с мелкого голубя.

Отсутствие ожидаемой дичи не расстраивало нас, мы были увлечены самим процессом, упивались свободой, наслаждались запахами и звуками окружающей нас природы. И пусть мы не всегда отдавали себе отчет в тех чувствах, которые возникали тогда в наших душах, но удо-

влетворение от занятия мужским делом, каковым испокон считалась охота, и самодостаточность читались в облике и поведении каждого.

III

Утром следующего дня мне удалось подстрелить утку, притаившуюся на небольшом островке озера. Это была первая добытая утка, и меня переполняло чувство собственного достоинства.

По пути к нашему «стойбищу» я встретил Николая. Он с гордостью сообщил, что снял бекаса. Но когда нащупал в моем рюкзаке крупную утку, как бы оправдываясь за добытую им мелочь, принялся доказывать, что бекас – самая спортивная дичь.

– Многие опытные охотники, – наставлял он, – считают охоту на бекаса одной из самых интересных и ставят ее на второе место после весенней тяги вальдшнепа.

– Насчет вальдшнепа не знаю, но бекас меня не вдохновляет, – спокойно ответил я.

– И напрасно, попасть в летящего бекаса очень сложно. Он несется вихрем и бросается из стороны в сторону...

– Все это хорошо, однако кушать хочется, – с чувством человека, несущего на себе нелегкое бремя кормильца, пресек я друга.

Еще издали мы увидели, что наш лагерь окружило стадо баранов, а, подойдя ближе, услышали угрожающие выкрики, доносившиеся из палатки и хлопки пневматического оружия.

Мы застали Юрика в крайнем возбуждении, что никак не вязалось с его кротким нравом и железной выдержкой.

– Представляете, просыпаюсь, а перед глазами какое-то чудовище с огромной черной мордой. Стоит внутри палатки, сопит и смотрит на меня желтыми глазищами на выкате.

– Ну, и ты наложил в штаны, – прервал я Юрика.

– Хотел бы я на тебя посмотреть в тот момент, – огрызнулся потерпевший и продолжил. – Я не сразу понял, что это баран, а когда сообразил, стал на него орать, а он не реагирует. Стоит как баран. А что у него на уме? Кто знает?

– Спокойно мог сожрать, – подначивал я.

– Сожрать не сожрать, а когда ты лежишь в спальнике, будто по рукам и ногам связанный, то ощущение не из приятных.

– Ну и что дальше было?

– Ну, пнул его, вылез, а они прут и прут на меня. Думал, палатку снесут. Стал отстреливаться.

– Ладно, славу богу, жив. Давай, вылезай, аника-воин, надо что-нибудь поесть приготовить.

Мы отогнали подальше овец и стали осматривать добытый трофей. Бекаса я небрежно отложил в сторону и достал утку. Это была крупная птица в белом оперении с желтыми лапками и клювом. Попытались определить ее вес и пришли к выводу, что в ней не менее четырех килограммов.

– Я что-то не припомню, чтобы дикие утки были такой окраски, – заронил сомнение Николай.

Развил неуверенность подошедший Сергей. Он, что называется «с порога», спросил:

– А где вы домашнюю утку взяли?

– Сам ты домашний, – огрызнулся я, – Я ее на взлете с озера взял.

– Не знаю, у нас дома точно такие же.

– Кряковых уток ты тоже вряд ли отличишь от домашних, – не сдавался я.

На этом дискуссию решили прекратить. Подготовленную добычу положили в ведро с намерением приготовить лапшу. Когда ели и хвалили блюдо, Женька, который пришел в лагерь последним и не участвовал в дебатах, добавил в ведро свою «ложку дегтя».

– А по вкусу утка на домашнюю похожа, – простодушно заметил он.

– Она на проточной воде жила, – пояснил я и, заметив, улыбающегося Николая, напал на него.

– Ты что-то на утку налегаешь, а своим спортивным «воробьем» брезгуешь, – намекал я на бекаса.

Насытившись, мы неспешно собрали свой скарб и двинулись дальше. К вечеру были уже на камышзаводе.

Самого завода мы не видели, но то, что охотники называли оным, на самом деле была местность, которая во время разлива реки заполнялась водой, образуя вдоль берега череду мелких плесов, поросших густым тростником. Здесь, по-видимому, и заготавливали этот самый материал, из которого на какой-нибудь производственной площадке, то бишь заводе, плели маты для возведения каркасно-камышитовых строений.

Лагерь устроили тут же на берегу разливов и сразу засобирались на охоту. Николай, проинструктированный отцом, сообщил нам, что весной можно стрелять только селезней, чтобы дать возможность уткам отложить яйца и вырастить потомство.

Приняв к сведению информацию, мы сосредоточенно двинулись прочесывать плесы. Попадалась преимущественно кряква. Большинство уток уже разбились на пары и подпускали довольно близко. Потревоженные, они взлетали одна за другой: сначала срывался селезень, а за ним уточка. Нередко в воздухе можно было видеть, как пара или тройка селезней преследует утку, и между соперниками происходят настоящие турниры.

IV

На следующий день я решил прогулять Юрика, до того не участвовавшего в наших вылазках за дичью. После утренней зорьки Женька дал ему ружье, и мы вдвоем отправились к реке. Обогнули разливы и вышли к небольшому лесу у воды. Погода стояла превосходная. Солнце хотя и припекало, но с воды дул прохладный ветерок, создавая микроклимат приречного леса. Природа примеряла свой весенний наряд. На джиде проклюнулись молодые восковые листочки. Очнулся от спячки ершистый чингил. Мелким зеленым ворсом покрылась земля. Двинулись из подземелья к свету побеги солянок и полыни. В воздухе, звеня и переливаясь, лилась бесконечная жизнерадостная трель жаворонков.

Мы шли по тропинке рядом с полноводной рекой и наперебой горланили песни на собственные слова. Надрывно пели о том, что видели вокруг, и данное сочинительство, положенное на известные мелодии, невероятно веселило. Вокруг никого не было. Нас окружала только дикая природа и, казалось, благодушно улыбалась нам. Снующие пичуги, будто тоже включившиеся в игру, пытались нас перекричать, а то и задиристо зацепить крылом.

Наоравшись вдоволь, мы повернули назад.

На опушке за тугайным лесом поспешили обратить на себя внимание удоды, одетые в яркие охристо-рыжие одежды с веерообразным хохолком на голове. Они расхаживали перед нами быстрыми шажками, иногда перебежали на короткие расстояния. Одна из птиц выскочила на тропинку из прошлогодней травы и, заметив нас, вдруг упала на землю, распластала крылья и подняла почти вертикально кверху свой изогнутый клюв. Мы остановились, не понимая, что с ней. Так смотрели друг на друга какое-то время, а когда двинулись с места, она взлетела с глухим криком: «уп-уп-уп, уп-уп-уп», обнажив четкую, симметричную черно-белую раскраску

оперения на крыльях и хвосте. Эти красивые, изящные птицы, несомненно, являлись подлинным украшением фауны приречных тугайных лесов и прилегающей к ним пустыни.

Неожиданно я заметил, как неподалеку сели утки. По узкой, извилистой полосе тростника можно было понять, что там сокрыт какой-то водоем. Я предложил Юрику осмотреть эту местность, но он почему-то отказался и пошел в лагерь. Мне же не терпелось выяснить, что на самом деле присмотрели утки в этих, казалось бы, безжизненных солончаках. Подойдя ближе, я увидел старицу шириной не более пяти метров, причем довольно глубокую, судя по темной стоячей воде. За первой же излучиной взлетела стайка чирков, из которой мне удалось выбить сразу двух птиц. Чтобы их достать, пришлось раздеться. В тот момент, когда снимал брюки, налетел еще один табунок уток. И снова удача. Достав из воды чирков, я уже не стал одеваться, а сунул одежду вместе с утками в рюкзак и осторожно пошел по берегу, оглядывая сквозь тростник водную гладь. Буквально через минуту чуть ли ни в двух шагах от меня с грохотом взлетел селезень кряквы, который стал моей четвертой добычей. Чуть погодя после успешного выстрела я лихорадочно метался по зарослям тростника, отыскивая свой пятый по счету трофей.

Пришел я в лагерь одновременно с Юриком и самодовольно вывалил на землю перед глазами изумленной публики свою добычу.

V

В запасе у нас оставалось более двух дней. Уезжать никому не хотелось. Еды было много. Ежедневно мы варили по две утки.

На этот раз решили поджарить дичь на углях. Благо, в округе было много саксаула. Пока прогорали дрова, каждый вырезал по два шампура из веток тамарикса, тщательно очистил от коры и нанизал на них подготовленную утку. Как только на углях потух последний огонек, тут же над источающими невероятный жар углями зависли пять тушек добротных крякв. Через пару минут с уток сначала закапал, а затем полился ручьями жир, который моментально воспламенялся. И тут началась самая настоящая битва за деликатес. Кто-то пытался задуть то и дело вспыхивающие факелы огня, кто-то брызгал на угли воду. Вся эта процедура сопровождалась несмолкаемыми выкриками, советами, суетой и руганью. Только когда угли наполовину затухли, мы немного расслабились, продолжая вертеть тушки, постоянно осматривая и счищая с них сажу и обгоревшие участки шкурки.

– И откуда в них столько жира? – недоумевал Юрий.

– Да они тут больше месяца жируют, – пояснил Николай.

Через час жаркое на вертеле было готово. Подустав в борьбе за конечный результат, мы, наконец, приступили к трапезе. Три кусочка пролетели незамеченными. Начиная с четвертого, приходило осознание того, чем занимаемся и каково по вкусу приготовленное блюдо.

– А вообще, ничего, – многозначительно заключил Серега.

– Вкусно, – протянул Женька.

– Дома такого не поешь, – мечтательно добавил я.

После выброса порции эмоций все продолжали жевать молча.

– А кто пробовал дикого кабана? – неожиданно спросил Женька. Никто не ответил. Он сделал многозначительную паузу и продолжил.

– Два года назад мы копали картошку у себя на склоне. Мешка четыре уже накопили, и вдруг вижу, как низом наше поле пересекают две свиньи и кабан. Ружья у меня не было. Что делать, думаю. Жалко, такая добыча уходит. А они на меня внимания не обращают. Схватил мешок с картошкой и пустил вниз накатом. Уклон крутой был, мешок полетел с огромной скоростью и сбил с ног кабана. Тот покатился, ударился головой о пень и откинул копыта.

Тут мы все дружно рассмеялись, а Женька сидел серьезный и все твердил, что это голая правда.

– Ну, ты и врать горазд, генацвали, – сквозь хохот проронил я.

С тех пор к Женьке так и прилипло это прозвище – «генацвали». Он, действительно, чем-то походил на кавказца, – наверное, длинным с горбинкой носом и широкими скулами, только вот русые волосы выдавали его принадлежность к славянам.

VI

Утром Сергей вдруг засобирался домой. Ничего не объяснив, он упаковал свои вещи и уехал. Мы не могли понять, в чем дело. Впрочем, долго задумываться над его поступком не стали, махнули рукой и принялись ошипывать уток. Но что самое удивительное, до сих пор причина, побудившая его так неожиданно смотаться, остается загадкой, хотя этот вопрос я задавал Сергею четыре раза с периодичностью в 10 лет. Ответа не было поэтому я так настойчиво пытал его на протяжении 40 лет. И, тем не менее, не теряю надежды узнать.

К вечеру пошел дождь, не дав нам возможность приготовить ужин. Голодными мы легли спать, а когда на следующее утро принялись готовить завтрак, выяснилось, что после отъезда Сергея исчезли соль, крупа, чай, сахар и даже горох. Каждый из нас по очереди грубо высказался по поводу выходки Сергея, после чего злые, как собаки, мы стали собирать вещи в обратную дорогу.

Дождь расквасил солончак. Узкие шины велосипедов под тяжестью груза глубоко проваливались в вязкую грязь. Толкать своих стальных коней приходилось изо всех сил.

Через три часа пути мы кое-как выбрались к шоссе, по которому необходимо было проехать еще 70 с лишним километров до дома. Силы были на исходе. Грязные по уши, голодные, мы с грехом пополам докатили до ближайшего поселка, наскребли один рубль с копейками и отправились в столовую.

Откушав по полпорции постных щей и по штуке тестообразных шницелей с мучной подливкой, мы двинулись в дорогу.

Через два километра Николай запросил остановиться. Мы свернули с трассы к лесополосе, установили у деревьев велосипеды и собрались вокруг владельца «Туриста». Николай по-деловому открутил переднее колесо и на глазах обомлевшей публики принялся править «восьмерку». Дело в том, что на сей раз он не пытался выправить обод посредством спиц, а гнул его через колено. Как мы смогли воочию убедиться – такой способ позволял значительно сократить время ремонта, и казался неоценимым в полевых условиях.

К вечеру из последних сил мы докатили до черты города. Предстоял самый сложный участок дороги – длинный, нудный подъем к месту жительства, через весь город к его верхней части.

Представив эту мучительную процедуру – придется двигаться стоя, налегая всем телом на педали, – я содрогнулся: «К чему такие испытания?» – спросил я себя и с этими словами съехал с шоссе. Неподалеку заметил небольшой котлован, где вознамерился захоронить на время велосипед и спокойно доехать домой на рейсовом автобусе. Ребята, не подозревая о моем плане, свернули следом. Я спустился в яму, молча разобрал вещи, достал туристическую лопатку, вырыл на склоне углубление, куда заботливо уложил своего верного «друга» и укрыл его землей. Почему-то последовать моему примеру никто не рискнул.

Через два дня мы с Николаем посетили место погребения. Расшугали ребятню, мирно копавшуюся на дне котлована, и извлекли на свет машину. Я был доволен удавшейся аферой,

а сам беспрецедентный поступок сохранился в памяти «народной» как незабываемое событие, венчавшее нашу первую утиную охоту.

ПЛАЧ ПО ИРАНСКИМ САПОГАМ

I

Людам, живущим в XXI веке, даже если они родились в середине двадцатого столетия, бывает трудно воссоздать в памяти те времена, когда ранним утром улицы родного мегаполиса бывали пусты.

А ведь бывали! И не только ранним утром. Помню, как в детстве зимой мы лихо катались на «драндулях» по проспекту Ленина, и на протяжении двух километров нашего пути редко встречалось более двух машин. Дорожное покрытие в те годы не особенно чистили, тем более никто не сыпал на асфальт соль или заморские реагенты. Накатанная дорога позволяла нам двигаться под уклон с большей скоростью, чем ныне перемещаются автомобили тем же маршрутом.

«Драндуля», на которой мы рассекали воздух, представляла собой простейшую металлическую конструкцию. Обычно брали со стройки полудюймовую трубу или шестиметровую катанку аналогичного диаметра. Гнули ее о дерево пополам с таким расчетом, чтобы полозья находились на ширине плеч. Затем основу стига еще раз стигали под сорок пять градусов по отношению к полозьям, и всё – можно кататься. В проем передней части «драндули» на короточках усаживались двое пассажиров, а за ними, держась за поручень, стоял тот, кто правил. Но длина полозьев позволяла за возницей разместиться еще двум любителям такой «групповухи».

И вот такая пятиместная повозка разгонялась наподобие боба в бобслее задними участниками заезда перед самым крутым спуском дороги.

Нужно сказать, что «драндуля» была управляема. Двигая полозьями, можно было осуществлять повороты, а тормозом служили ноги передних седоков. При необходимости резко затормозить с полозьев соскакивали все вместе.

Такое коллективное развлечение доставляло больше удовольствия, чем катание на санках в одиночку. Во-первых, «драндулетчики» были одной командой, объединенные единым порывом, а во-вторых, для такого вида спорта и отдыха не требовалось никаких материальных затрат, учитывая скудный достаток простых семей и ограниченные возможности промышленности в те первые послевоенные пятилетки.

Одним словом, было весело, а главное – никто и ничто не могло помешать этой забаве.

II

Однако вернемся к нашим баранам. Прежде чем продолжить рассказ, погрузившись в атмосферу пустынных улиц спящего города, следует упомянуть еще об одной ключевой детали, положенной в название моего повествования.

За день до отъезда на охоту в одном обувном магазине, блуждая меж галош и иной резиновой обуви, я нечаянно наткнулся на болотные сапоги, поразившие меня необычным цветом. На фоне черной массы всей остальной продукции они выглядели «белой вороной», то есть имели цвет детской неожиданности, но при этом производили впечатление добротной вещи. Толстая фигурная подошва и трехслойная резина до лодыжек должны были надежно защитить самую уязвимую часть ног, ступающих по неизведанному болотному дну. Далее до колена сапоги имели два, а выше – один слой резины. Вся эта премудрость имела практическое значение. Прежде всего, они были значительно легче обычных. Кроме того, у колена сапоги имели застежки, позволяющие удерживать их на голени при ходьбе по вязкой грязи,

когда ступню затягивало в трясины, и при попытке освободиться нога буквально выскальзывала наружу. Чтобы верхняя, наиболее тонкая часть сапог с широким раструбом не обвисала и не мешала при ходьбе, она также крепилась к поясу посредством резиновых застежек, а спущенная до колена – кнопками к подколенным. Производилась эта замечательная болотная обувь в Иране и стоила у нас всего десять рублей, что по тем временам считалось дешево, – во всяком случае, не дороже подобной отечественной продукции.

Я не мог нарадоваться на свое приобретение.

– Ну, теперь пойдут клочки по закоулочкам, – сверкая счастливыми глазами, восклицал я, крутясь перед женой в новеньких, пахнущих свежей резиной сапогах. – Ты не представляешь, как просто и практично все сделано! А какие легкие! Не хочешь примерить?

– Нет, я уж так уж как-нибудь, – воспротивилась супруга.

– Напрасно. Нога в них просто спит. А как элегантно выглядят.

– Особенно цвет потрясающий...

– Цвет действительно подобран удачно. В камышах сапог вообще не заметишь. Представляешь, утка летит, смотрит – мужик вроде стоит, но как бы без ног. Ей, естественно, становится любопытно. Она делает круг с тем, чтобы поближе разглядеть безногого, а тут я – хлоп! – и утка в сумке. Ни подсадных, ни чучел не надо. Лепота!

Ранним утром следующего дня я в новых сапогах вышел на улицу, где меня уже дожидались Николай с Юриком и Володя.

Володя жил неподалеку от Николая, с ним мы учились в параллельных классах и знали друг друга со школы. К охоте его приобщил, как и меня, Николай. В то время я служил в армии, а когда через три года вернулся, все мои партнеры по охоте уже дружно пересели с велосипедов на мотоциклы, в связи с чем географический круг охотничьих интересов значительно расширился. На этот раз мы собирались разведать уголья за триста километров от дома.

Часть своих вещей я разместил на Юркином и Вовкином «ИЖах», а сам должен был ехать с Николаем на его «ЯВЕ». Но прежде чем сесть на мотоцикл, я прошелся по «подиуму», демонстрируя свою обнову. После чего показал ребятам все застежки на сапогах в действии. По завершении показа мы не торопясь двинулись в путь. Впереди ехали мы с Николаем, позади, обвешанный рюкзаками и сумками, следовал Вовка. Замыкал процессию аналогично экипированный Юрик. Два перекрестка миновали успешно. Машин ни впереди, ни сзади видно не было. Подъезжая к третьему перекрестку, я заметил движущийся слева автобус. И хотя наша улица была главной, а автобус только подъезжал к перекрестку, я предложил Николаю подождать, пока проследует пассажирский транспорт. Николай затормозил, но автобус тоже остановился, пропуская нас. Только мы двинулись с места, как сзади я почувствовал сильный удар в спину, который опрокинул нас вместе с мотоциклом на асфальт. Приподняв голову, увидел несущийся юзом к обочине дороги Вовкин мотоцикл. Из порванной сумки, укрепленной сбоку «ЯВЫ», посыпались и колесиками покатались в разные стороны сушки. Вовка валялся, придавленный мотоциклом, и ошалелыми глазами смотрел на нас.

– Ты что, обалдел? – поинтересовался я у него.

– Какого черта вы остановились? – неуверенно откликнулся виновник ДТП.

Николай без комментариев поднял мотоцикл и покатыл его к краю улицы, а я принялся было собирать сушки, но тут к своему ужасу обнаружил, что на правом сапоге зияет огромная дыра. Порыв был на самом неудачном месте: на сочленении голени со стопой (на месте сгиба), да такой величины, что сквозь нее виднелись обе щиколотки, поэтому мысль заклеить дыру даже не могла прийти в голову.

Я с негодованием взглянул в Вовкину сторону. Тот молча продолжал лежать под мотоциклом.

– Ты что там лежишь, придурок? – выдавил я сквозь зубы.

В ответ Вовка жалобно простонал. Я подошел к нему и потянул на себя мотоцикл. На Вовкином лице отобразилось страдание. На левой ноге были видны следы крови. Приподняв брюки, мы увидели рваную рану выше лодыжки. Колька достал свой носовой платок и перевязал рану, после чего решили срочно доставить потерпевшего в ближайшую больницу.

Около часа мы проторчали у окон операционной, пока зашивали Вовкину ногу, сожалея о случившемся нелепом столкновении и несостоявшемся открытии охоты, к которому готовились более месяца. Кроме этого, я горько оплакивал кончину своих великолепных иранских сапог, так и не опробованных на деле. Им суждено было остаться навек только в наших воспоминаниях.

III

Наконец, Вовка появился в дверях больницы и, прихрамывая, решительно направился к мотоциклу.

– Поехали, – уверенно заявил он.

Мы вопрошающе уставились на него.

– Ну, что стоим, поехали, – повторил свой призыв Вовка.

– Куда? – в один голос отозвались мы.

– Как куда? На охоту.

– Ты что, в своем уме? Какую охоту? – попытался я предостеречь Вовку от необдуманного поступка.

– Ничего страшного. Заедем в аптеку. Купим бинты, мазь и вперед.

– А перевязки?

– На месте решим. В конце концов, в поселках есть больницы, медпункты. Да и сам смогу забинтовать. Ничего сложного.

В его словах, наверное, присутствовала логика, потому что мы молча оседлали своих стальных коней и рванули к намеченной цели. Я сел за руль Вовкиного «ИЖа», а он устроился позади меня, очевидно, не представляя себя вне своего родного мотоцикла.

Через пять часов мы въехали в Балхашский райцентр, где решили показать раненого друга сельскому хирургу.

Перевязка прошла успешно, после чего, немного успокоившись, мы продолжили движение. До предполагаемого места охоты оставалось проехать немногим более ста километров.

Добравшись до поселка Жидели, откуда уже невооруженным глазом можно было разглядеть заросли тростника, мы двинулись по направлению к ним напрямую, предполагая, что именно там нас ожидают озера, изобилующие водоплавающей дичью.

Но на деле все оказалось не так просто. В течение двух часов мы не могли отыскать ни одного съезда или хотя бы тропы, ведущей внутрь зарослей. Мы отчаянно метались по окраине тростников, пока нас не накрыли сумерки. Но даже в полной темноте мы, словно зомбированные, с упрямой настойчивостью продолжали поиски вожделенного водоема.

Мы с Володей ехали впереди колонны, внимательно всматриваясь в край колеи, в надежде увидеть долгожданный отвилочек от дороги. За нами стлался густой шлейф пыли, сквозь которую едва пробивался свет от фар Колькиной «ЯВЫ». Через какое-то время Вовка прокричал мне в ухо:

– Стой, стой!

Я остановился. Бегущая следом волна пыли накрыла нас с головой и едко ворвалась в легкие.

– Что... стряслось? – сквозь кашель спросил я Вовку.

– Ты кого-нибудь видишь сзади нас?

– Не понял... – ответил я, пытаюсь разглядеть позади отблески фар. Затем съехал на обочину, развернулся и заглушил двигатель.

В луче света в диком танце извивалась и нехотя оседала пыль. Я выключил фару, и тут же нас сковала гнетущая тишина. Наши попутчики как сквозь землю провалились. С минуту мы всматривались в темноту и прислушивались к каждому шороху вокруг.

– Ну, только что были, – нарушил я тишину.

– Главное, что их не видно и не слышно, – недоуменно проронил Вовка.

– Главное, что здесь только одна дорога, и потерять нас из вида просто невозможно. За нами хвост пыли на километр тянется.

– А может, они... перекур устроили?

– Или понос прихватил обоих сразу... Ладно, поехали искать.

Метров через триста мы заметили след мотоцикла, ведущий от дороги налево, в барханы. Развернулись и медленно поехали по следу, пока не выехали на небольшой пригорок. Остановились. Луч света от фары уперся в небосклон. Вокруг ничего не было видно. Решили объехать преграду и осветить ее со стороны.

С дороги было видно, что на том месте, за склоном, зияет черная дыра, что-то вроде основания огромной воронки. Я слез с мотоцикла и направился к таинственному объекту. Подойдя к краю котлована, заметил на дне тусклый свет и неопределенной формы предмет, отражающий блеклый свет луны, спрятанной за темными облаками. Затем, присмотревшись, понял: то, что светилось, были заваленная песком фара мотоцикла и никелированный бензобак. Внизу валялась Колькина «ЯВА».

– Николай! – крикнул я в темноту.

– Я здесь, – отозвался владелец «ЯВЫ».

– Ты жив?

– Вроде жив.

И тут только разглядел в стороне от мотоцикла лежащего на спине Николая. Я спустился к нему.

– Что с тобой? – встревожено спросил я его.

– Смотри, как плывут облака. Как здесь покойно, как будто в другом мире, – мечтательно произнес потерпевший.

– Какие, к черту, облака? Ты встать можешь? Ну-ка, подвигай конечностями.

Николай поднял по очереди ноги, потом руки и безмятежно распластался на песке. Я успокоился. В унисон его лирическому настрою театрально протянул ему руку и с пафосом произнес: «Дай, Джим, на счастье лапу мне, такую лапу не видал я сроду. Давай с тобой полаем при луне на тихую, бесшумную погоду».

Я поднял Николая. Он стоял напротив меня, и на его лице блуждала блаженная улыбка.

– Ну, что там? – слышался нетерпеливый голос Володи.

– Все нормально, – откликнулся я.

Мы подняли мотоцикл. Колька, как ни в чем ни бывало, завел его, и вдвоем мы вытолкали серебристо-красную машину из ямы.

– Что случилось? – спросил у блаженного Володя.

– За вами же ехать невозможно. Такая пыль... Не видно, куда едешь, и дышать нечем.

Вот я и свернул с дороги...

– И сразу стало видно, куда ехать, – продолжил я рассказ Николая.

– Ладно, – констатировал Вовка, и вдруг, спохватившись, осторожно полюбопытствовал. – А где Юрик?

Мы дружно завертели головами, пытаюсь узреть также бесследно пропавшего четвертого члена нашей команды.

Поиски Юрика затянулись на полчаса. Как нам удалось установить, он свернул с дороги гораздо раньше Николая. Найти его след было сложно, потому что Юрик съехал с дороги в другую сторону, ближе к тростникам, где грунт оказался тверже, и отпечаток шин был едва заметен. Двигаться приходилось медленно, так как след постоянно терялся. На пути неожиданно возникали разного рода препятствия, и Юрик шархался из стороны в сторону.

Наконец, обогнув раскидистый куст тамарикса, мы чуть было не въехали в мотоцикл, стоящий сразу же за кустом. Неподалеку сидел Юрик. Его было трудно узнать. На нем была надета вся одежда, которую он взял в поездку. Грубый брезентовый плащ поверх ватника едва сходил, образуя между туго застегнутыми пуговицами огромные прорехи. И без того полный, он выглядел квадратным. Лицо, частично сокрытое мотоциклетным шлемом, было покрыто толстым слоем серой пыли. И только вблизи можно было увидеть на носу глубокие царапины и подтеки уже свернувшейся крови на щеках и подбородке.

Закрываясь от слепящего света фар, Юрик что-то бурчал нечленораздельное. Позже выяснилось, что он так же, как и Николай, уклоняясь от пыли, свернул на обочину и незаметно удалился от дороги. А перед тем местом, где мы его нашли, переднее колесо мотоцикла на ходу провалилось в глубокую нору, проделанную сусликами. Стальная лошадка встала как вкопанная и сбросила наездника, да так, что он вылетел через руль, плашмя рухнул на землю, пропахал носом трехметровую борозду и в завершении оказался в колючих объятьях чингила. После этого свободного полета и неудачного приземления Юрик долго не мог прийти в себя.

– Все, баста! Заночуем здесь, – решительно заявил я, обращаясь к травмированным участникам экспедиции. Себя я относил к морально пострадавшей стороне.

Мы разожгли костер, достали провиант, кружки, и прежде всего употребили напиток, который существенно облегчил страдания потерпевших и снял стресс от пережитых невзгод, свалившихся в этот злополучный день на наши головы.

К концу трапезы повеселевший Юрик достал из рюкзака новенький приемник «VEF» на батарейках и полилась легкая, приятная музыка

Нас быстро разморило, тела обмякли, и мы дружно повалились на полог палатки, поверх которой успели кинуть свои спальники, потому что ставить палатку сил уже не было.

IV

Однако на этом беды не закончились. Утром всех разбудил Николай. Он громко стонал, причитал, а затем принялся расталкивать Вовку.

– Володя, Володя, проснись. Ну... – голосил Николай.

– Что такое? – вскочил Вовка и ошалело выпучился на Николая.

– Бинты достань. И что там у тебя еще есть?

– Что случилось?

Тут и мы с Юриком, спросонок плохо соображая, уставились на возмутителя спокойствия.

– Видишь, – жалобно произнес Николай, выставив на всеобщее обозрение свою правую руку.

Мы все пододвинулись поближе. Тыльная сторона кисти его правой руки была покрыта слоем золы, и в нескольких местах вздулись волдыри от ожога.

– Как тебя угораздило? – поинтересовался я.

– О-о-о-й, – простонал бедолага. – Черт его знает. Проснулся от пронизывающей боли...

О-о-й. Гляжу, а рука в костре лежит. Отдернул, но поздно, уже поджарилась.

Николай продолжал стонать и дуть на руку. Вовка смочил клочок ваты перекисью водорода и протянул его страдальцу.

– Обработай потихоньку.

– Зачем перекись, угли ведь стерильны, – заметил я.

– Отстань, – простонал Николай.

– Может, мазью Вишневского смазать? – спросил Володя.

– Ага. А лучше солидолом, – живо откликнулся я. – Что вы мудрите. Залейте йодом, и все.

Пока мы колдовали над Колькиной рукой, от костра повеяло едким запахом плавящейся пластмассы.

– Чем это воняет? – забеспокоился я.

И тут раздался вопль Юрика. Он кинулся к костру, в котором на тлеющих углях истекала его «Спидола».

– Всё! Меня Вера убьет, – заявил Юрик, осматривая поврежденный приемник. – Мы его только что купили.

– Пришла беда – отворяй ворота, – философски заметил я. – Пить меньше надо.

– Слушайте, – привлек наше внимание Володя, – У нас больше ничего не горит?

– В смысле? – не понял я.

– Жженой... – он принялся и продолжил, – тряпкой или волосом несет.

Мы тут же ошупали головы, затем стали осматривать вещи. Еще раз принялись и потянулись к Юркиному верблюжьему одеялу, которым он укрывался. Приподняли – и увидели на нем две большие дымящиеся дыры.

– Ё... – выразился в сердцах несчастный Юрик, – Это ведь Верино приданое...

– Ну, хана! Путь тебе домой заказан, – заключил Володя.

– А может, его пристрелить, чтобы не мучился? – высказал я свои добрые пожелания, глядя на искаженное от ужаса лицо Юрика.

Юрик не прореагировал на наши остроты. Он переживал. Всем своим видом он вызывал чувство жалости и сострадания.

– Юрик, – обратился я к мученику, – это еще не конец света. Так что не убивайся. Кстати, у меня есть совет. Ты только до приезда домой не умывайся. Слышишь? Явишься перед домохозяевами в таком виде, и, я думаю, они все поймут. И объяснений никаких не потребуются.

– Мне кажется, что нужно по семь капель принять, – после некоторого раздумья предложил выход из создавшегося положения Володя.

– Светлая мысль, – поддержал я.

– А на будущее, друзья-коллеги, надо иметь в виду, что охотнику – как, впрочем, рыбаку, туристу, путешественнику – следует располагать обособленным от семьи имуществом. И тогда потери собственных вещей будут касаться только его одного, а это значительно облегчит последствия, – сделал вывод Николай.

– Мудрая мысль, – подхватил я, – и вовремя высказана. Так выпьем же за личную ответственность!

V

Нужно было осмотреться и определиться, куда ехать дальше. Мы выбрали самую высокую точку в окрестности. Это был песчаный холм, поросший саксаулом, на вершине которого стояла триангуляционная вышка.

Но и находясь на некотором возвышении над окружающей местностью, мы не вынесли для себя никакой полезной информации. Тростники тянулись до горизонта. Возможно, где-то и была вода, но для того, чтобы знать наверняка, необходимо было подняться хотя бы на высоту полета птиц. К сожалению, за спинами у нас крыльев не было, над тростниками водоплавающие не летали, поэтому оставалось только апеллировать к формальной логике.

– Я думаю, что нужно вернуться к поселку, – начал я ход рассуждений.

– Зачем? – не выдержал Вовик.

– Давайте рассуждать логически. В поселке наверняка есть охотники, рыбаки, люди, промышляющие ондатрой. Поскольку озера где-то рядом от поселка, вряд ли они будут добираться до воды на автомобилях. Во-первых, таковые – редкость в данном населенном пункте, а во-вторых, тратить бензин на такие поездки никто не будет, тем более что ближайшая заправка за сто с лишним километров. Отсюда следует, что для реализации своих намерений сельчане пользуются велосипедом или, на худой конец, мотоциклом.

– Скорей всего, лошадью, – предположил Николай.

– Согласен, – откликнулся я, – но не исключено, что кто-то добирается до места пешком. А это значит – передвигаясь таким образом, они следуют коротким путем. И находятся в дороге не более часа. Ходить на далекие расстояния никто из местных не будет.

– Ну, и к чему ты клонишь? – с плохо скрываемым нетерпением спросил Володя.

– К тому, что ежели они пешком или на лошадях проникают в заросли, то видимой тропы может и не быть. Итак, вернемся к поселку, от него напрямую выйдем к тростникам и пешочком внимательно осмотрим вероятные места захода к озеру.

Других предложений не было, и мы тронулись в дорогу. Через шесть километров мы достигли окраины поселка. Остановились на одной из наезженных дорог, осмотрелись, выбирая нужное нам направление, и тут заметили легковушку, едущую в нашу сторону. Правда, машина ехала по другой дороге, значительно левее того пути, который мы наметили для себя. Когда же она в клубах пыли приблизилась, по её передней части можно было угадать, что перед нами старенькая «Победа». Однако кто находился внутри, до последней минуты определить было невозможно. В кабине плотной завесой стояла пыль, которая постепенно рассеялась только при подъезде к нам автомобиля, когда водитель сбавил скорость, – очевидно, интуитивно почуяв препятствие в виде нашей группы, и остановился. Благодаря сквозняку, пыль через опущенные стекла дверей постепенно выветривалась и в результате прорисовывались облики двух седоков на передних сидениях. Судя по их одежде и госномеру автомашины, это были местные жители.

Николай подошел к водителю и попытался выяснить, где здесь озера и как к ним проехать.

Водитель «Победы» с усилием открыл дверцу, вышел, отряхнулся и стал показывать Николаю, куда нужно следовать. Это был азиат средних лет, в кирзовых сапогах, потрепанной фуфайке, и указывал он явно не туда, куда мы намеревались ехать.

Чуть погодя Николай пояснил, что в десяти километрах от поселка, как ему объяснил водитель, находится озеро Сарыколь.

– Мне кажется – он темнит, – недоверчиво отозвался я.

– Какой резон ему врать? – выразил свое мнение доверчивый Юрик.

– Я думаю, нужно проверить, – высказался Володя. – Ну, потеряем полчаса, подумаешь.

Двигаясь в указанном водителем «Победы» направлении, через двенадцать километров мы действительно приехали к озеру. Но только к высохшему, причем много лет назад. На дне довольно большого водоема не было ни капли воды. В глубоких трещинах засохшей грязи не задерживалась надолго даже дождевая вода.

Так родился наш первый охотничий закон, неоднократно проверенный на опыте, который гласил:

Спроси местного жителя, куда ехать за дичью, и после его совета следуй в противоположном направлении!

VI

Мы вернулись опять к месту «старта» и, как наметили ранее, поехали прямо к тростникам. До них от поселка было менее четырех километров.

Достигнув зарослей, мы спешили и по двое разбрелись в разные стороны, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь свидетельства пребывания на этой земле человека.

Я шел с Володей, и через пару минут мы услышали громкий призыв Николая.

– Идите сюда, – кричал он.

Мы поспешили на зов.

– Видите, здесь все истоптано, – указывал Николай на следы копыт.

– Это коровы, – после детального изучения отпечатков, заключил я.

– Ну и что? – вступил в диалог Николай. – Пусть коровы, но, скажи, зачем коровам заходить в тростник?

– Ну и зачем?

– Тростник редкий и от солнца не спасет. Если бы они тут отдыхали, было бы все примято и полно навоза. Остается одно: где-то поблизости водопой.

По следам мы вскоре вышли на песчаную прогалину в тростниках, в конце которой действительно оказалось довольно большое озеро. В центре его и по краям виднелись кочки, хатки ондатры, а из воды торчали отдельные стебли осоки и тростника. То есть оно было не глубоким и вполне могло оказаться кормовым, куда обычно на ночь слетаются утки.

Воспрянув духом, мы рванули к мотоциклам, оставленным на дороге, и через несколько минут уже расчехляли ружья на берегу долгожданного озера. В ажиотаже я даже забыл про свой порванный сапог. И только у воды спохватился: идти-то мне не в чем... Обомлев от этой мысли, я бросил полный отчаяния взгляд на удаляющихся собратьев по оружию. Впереди колонны бодренько шлепал по воде Вовка, еще минуту назад волочивший по земле свою раненую ногу.

– Куда? – только и сумел выдавить я из себя. И этот наполненный безысходностью возглас был адресован, прежде всего, жертве ДТП, хотя, как оказалось на самом деле, жертвой был я, а не Вовка.

С минуту я еще обреченно стоял на берегу, затем вернулся к мотоциклу, достал кеды, переобулся. В стороне от лагеря разгреб песок и в образовавшуюся яму бережно уложил свои великолепные иранские сапоги. Внутренне обливаясь горячими слезами, насыпал поверх ненужной теперь обуви могильный холмик.

– Прощайте, мои дорогие, – начал я траурную речь. – Вы не успели послужить мне верой и правдой. Но это не ваша вина. Безрассудная, преступная рука жестоко прервала ваше победоносное шествие по болотам и топям. Но как бы ни злорадствовали враги, светлая память о вас наверняка сохранится в моем благодарном сердце.

Я взял ружье и произвел два залпа.

– Спи спокойно, – закончил я траурный митинг и нехотя поплелся за хвостом для костра.

Выстрелов слышно не было, и я потихоньку успокоился. Приготовил чай, бутерброды, и только собрался пообедать, как появились ребята.

– Ты в кого стрелял? – первым делом спросил Николай.

– В белый свет, – чистосердечно признался я и тут же заботливо обратился к Вовику. – Владимир Петрович, сапоги не трут? Ты бы снял их, а то рана взопреет.

Вовик недовольно покосился на меня, но сапоги снял.

– Дай-ка их сюда, – тем же ласковым голосом произнес я. – Ты не беспокойся, я постараюсь сохранить твою болотную обувь в целостности и сохранности до конца охоты. Для нас (я

думаю, выражаю мнение всех товарищей) главное – вернуть обществу здорового человека. И в этом благородном порыве мы ни перед чем не постоим.

Никто меня не останавливал, все угрюмо сидели у костра, понурив головы, и я, на волне успешно завершённой акции по отъёму сапог, продолжал бодрую речь.

– Юрий Иванович, никто не забыт и ничто не забыто. Мы и в радости и в беде всегда рядом с тобой, готовые в любую секунду протянуть руку помощи, подставить плечо, на которое ты можешь надёжно опереться.

Я взглянул на Юрия Ивановича. Он сидел с каменным лицом. И лишь приглядевшись, можно было с достаточной степенью уверенности сказать, что на самом деле эта часть его головы представляла собой не скульптурное изваяние, а живописное полотно, на котором писался образ нашего друга, но при этом художник пользовался не художественными, а малярными кистями. На лбу и под глазами широкими мазками были проложены борозды грязи. А небольшой курносый нос, казалось, вообще был стерт с лица страдальца.

От созерцания этой картины я пошатнулся, но в последний момент взял себя в руки и устоял на ногах.

Отстранив от мученика свой взор, я заметил, как Николай потянулся к рюкзаку, осторожно развязал тесемки и устремил свой алчный взгляд на мыло и полотенце, лежащие поверх остальной поклажи.

– Николай Константинович, – пресек я провокационное поползновение соратника, – никак вы намерены почистить зубья?

– Вроде того, – промямлил соратник.

– А вы что скажите, Владимир Петрович? Что сидишь, как архиерей на приеме? Наливай.

По мере употребления языка у всех развязывались, жизненные силы восстанавливались. Неуёмная молодая кровь живо понеслась по кровеносным сосудам, наполняя тело и мозги избыточной энергией, требующей периодического стравливания.

Я достал песенник, открыл его наугад и «по долинам и по взгорьям» полилась красноармейская песня. Буквально все произведения из сборника нам были знакомы, что позволяло наслаждаться пением довольно долго.

Наконец, успокоившись, мы решили обустроить место стоянки. Владимира Петровича отправили в поселок за кирпичами. Там, на окраине, стоял полуразрушенный кирпичный домик. Этот стройматериал мы намеревались использовать для сооружения подставки под казан и чайник. Я и Николай принялись устанавливать палатку, а Юрий поехал за саксаулом.

Как только лагерь приобрел жилой вид, мы без сожаления оставили в нем Владимира Петровича, так как теперь он остался без сапог, и двинули вглубь тростников на вечерку.

Я обошел наше озеро и, углубившись дальше, обнаружил еще несколько маленьких лужиц, но что удивительно – уток нигде не было!

Солнце клонилось к закату и уже коснулось своим багряным краем трепетавших на ветру метелок тростника, когда заметил: чуть правее от нашего лагеря одна за другой садятся утки. Но дойти до этого места мне в этот вечер не удалось. Солнце быстро село, и в мгновенно наступившей темноте едва выбрался из болота.

Когда все собрались в лагере, я поделился своими наблюдениями. Оказалось, что Николай с Вовкой тоже видели, как садились утки. Причем Вовка пояснил, что это место расположено от нас метрах в пятидесяти.

VII

С рассветом мы ринулись в тростник прямо от лагеря. Через тридцать-сорок метров вышли к воде. Сначала это были небольшие, мелкие плёсы, а после трех проходов открылось большое кормовое озеро. С противоположной стороны его поднялся табунок уток.

Водоем оказался глубиной по колено. Мы разбрелись с целью обследования местности, прилегающей к озеру и, как оказалось, не безуспешно. Мне удалось добыть двух уток, по одной подстрелили Юрик и Николай. С добычей и твердой уверенностью, что вечером устроим в этих местах «Мамаево побоище», мы, довольные вылазкой, вернулись в лагерь.

Возбужденно обсуждая итоги утренней охоты, мы незаметно проглотили завтрак и дружно закурили. С наслаждением вдыхая сигаретный дым, каждый из нас чувствовал, как по телу растекается умиротворение, благодать... как тело становится тяжелым и тянет к земле.

Было 11 часов. Солнце уже начало припекать. Ветерок нехотя блудил в тростнике, создавая легкий шорох и едва заметное шевеление стеблей. Для нас это время было тихим часом.

Сквозь дрему я услышал, что кто-то аккуратно рвет газету, приоткрыл глаза и увидел удаляющегося в сторону зарослей Николая. О его намерениях нетрудно было догадаться. Я снова погрузился в прерванное озабоченным товарищем состояние.

Через некоторое время услышал быстро нарастающий топот, открыл глаза и увидел над собой Николая. Движения его были порывисты, глаза горели. По всему было видно, что он очень взволнован. Николай схватил свое ружье и лихорадочно стал запихивать в патронник патроны.

Мы молча смотрели на возбужденного товарища, понимая, что в таком состоянии он все равно ничего вразумительного не скажет, а своими расспросами только спутаем его намерения. Поэтому тихо дожидались исхода представления, на всякий случай ощупывая возле себя оружие.

Николай щелкнул стволами и бросился к тому месту, откуда только что прибежал. Но не успел проследовать и пяти метров, как с него соскочили штаны, которые он, очевидно, в попытках не успел надежно закрепить на поясе, спутали ему ноги, и он растянулся на песке, как лягушка. Но это, на первый взгляд, комическое действие не вызвало смеха, а только насторожило нас.

Николай подобрал штаны и продолжил движение. Наконец, он остановился, расставил ноги на ширине плеч, вскинул стволы куда-то вверх, потом повел их вниз по диагонали, затем несколько по горизонтали и на мгновение замер. Прозвучал дуплет, после чего послышался грохот сухого тростника. Мы соскочили с ружьями на изготовку.

Николай стоял на месте в растерянности, словно наложил в штаны. Из произошедшего мы поняли только одно: стрелял он в какое-то крупное животное, и оно показало ему свой невредимый зад.

Не солоно хлебавши Николай побрел к нам.

– В кого стрелял? – наперебой стали расспрашивать мы его.

Но Николай словно лишился дара речи.

– Спокойно! – произнес я, налил в кружку воды и поднес её Николаю. – На, выпей, успокойся и расскажи людям всё по порядку.

Вовка чиркнул спичкой, прикурил сигарету и услужливо протянул Николаю.

И только после проведенных неотложных мер пострадавший заговорил.

– Пошел я по нужде. Сижу себе, никому вроде не мешаю. И тут слышу за спиной какой-то шорох. Достал газетку, растираю, ну, чтобы мягче была, а сам прислушиваюсь, а шорох сзади не утихает. Оглядываюсь осторожно, а в десяти шагах стоит косуля и срывает листики с деревца. Я отполз немного, соскочил, схватил ружьё, прибежал на место, а козел все в той же позе. Самого не видно. Над тростником торчит только его голова с рожками. Ну, думаю, хорошо, что не самка. Взял его на мушку. По голове стрелять не стал, чтобы не испортить трофей. Провел предположительно по месту, где должна быть его шея, от головы к туловищу. Отступил немного в сторону, как бы к передней лопатке, и выстрелил...

Николай вдруг оборвал свой рассказ, налил в кружку водки, молча выпил, занюхал кусочком хлеба и задумался.

– Ты не томи, говори, что дальше было? – завелся Владимир Петрович.

– А дальше – козел убежал.

– А в кого же ты стрелял?

– Этот гад вывернул голову на 180 градусов. И в таком изогнутом состоянии хавал листики. А я-то вымерял туловище по отношению к нормальной голове. Вот оно и оказалось в противоположной стороне. И получилось, что стрелял я не по реальному, а по мнимому коз-лу.

Тут мы не выдержали и весело заржали.

В небе послышался нарастающий гул двигателя, и вскоре над нами завис вертолет, колыхнулся и так же неожиданно исчез.

– Все, что ни делается – все к лучшему, – заключил я. – А ведь в это самое время, убей ты косяку, мы бы ее разделявали...

– И повязали бы нас всех, – продолжил за меня Владимир Петрович.

– Это убийство, – не выдержал законопослушный Юрий Иванович, который больше всего боялся общений с охотинспекцией и вообще любого непредвиденного осложнения обстановки. – И как только у тебя поднялась рука на беззащитное животное! Это же браконьерство.

– А ведь, с другой стороны, сколько мяса из-под носа ускользнуло, – мечтательно произнес Владимир Петрович.

– Однозначно, две задние ляжки, – продолжил я сыпать соль на раны, – которые можно было запечь на углях...

– Обидно другое, – заметил Владимир Петрович. – Такой случай бывает только раз в жизни.

После этого глубокомысленного заключения мы погрузились в раздумья. Вывел из глубокомыслия Юрий Иванович, у которого оно оказалось наиболее коротким. Он взял пустой чайник и направился было за водой, как тут я неожиданно вскрикнул.

– Стой!

– Что?

– Возьми ружьё.

– Зачем?

– Посмотрите на это наивное дитя. Неужели тебя жизнь ничему не учит? Один уже вот так сходил...

– Да я за водой.

– Да хоть за шампанским. Без ружья ни шагу – это закон.

Так родился наш второй охотничий закон, следующего содержания:

Идешь по нужде, за водой или дровами – не забудь захватить ружьё!

VIII

Часа в четыре я и Николай засобирались на охоту.

– Нужно успеть скрадок соорудить, – убеждал Николай.

– Я лично беру два патронташа, чего и тебе желаю, – советовал я.

Владимир Петрович заерзал на месте от нетерпения.

– А мы с Юрой здесь останемся, – забросил он удочку.

Юрик промолчал.

– Ну, случай чего, мы тут недалеко, – пояснил я и двинулся в тростник следом за Николаем.

Я чувствовал на себе не очень дружелюбный взгляд Вовика. Над лагерем завис, как НЛО, мой рваный иранский сапог. Он не давал покоя нам обоим.

Эта утратившая потребительский интерес обувь вызывающе требовала внимания и одновременно являла собой справедливость, возмездие, укор и несправедливость. Не сочетаемое сочетание то и дело посылало сигналы назидательного характера, которые улавливались только моими и Володиными рецепторами совести. Но где была та неуловимая грань, отделяющая справедливость от издевательства, возмездие от снисходительности, никто из нас не ведал. Поэтому «висящий» над нами объект и будоражил наше сознание, и требовал скорейшего разрешения конфликта во избежание нежелательных последствий. Но мы были молоды, упрямы, амбициозны и лишены рассудительности.

Мы с Николаем заняли позицию на западной стороне озера. Скрадок расположили по центру в небольших кустиках тамарикса, куда натаскали тростника и обложили им наше убежище, чтобы утки не заметили нас.

Как только строительно-камуфляжные работы были завершены, мы поставили рядом с собой ружья, разложили боеприпасы, договорились о порядке и очередности стрельбы, после чего в предвкушении решительного боя закурили, пытаюсь скрыть тем самым нарастающее волнение.

Минуты замедлили свой ход. Наш судьбоносный ориентир в виде солнца, призванный указать направление, по которому полетят пернатые, продолжал беспечно светить на небосклоне, явно не желая покидать его.

Мир затих в предчувствии грядущей битвы.

Но вот эту хрупкую тишину нарушили чьи-то шаги по воде. На краю озера обозначился Владимир Петрович. Он на какое-то время остановился, соображая, куда идти, а затем вдруг метнулся в сторону, будто его застали за неблагоприятным делом, и исчез в тростнике.

– Володя, это ты? – на всякий случай крикнул Николай.

Володя не ответил, желая оставаться незримым.

А тем временем светило рухнуло к краю горизонта, и на его слепящем фоне появились темные фигурки уток, напоминающие бутылки с вытянутыми вперед горлышками. Они шли прямо на нас. Мы приготовились к отражению атаки, но птички нарисовались так неожиданно, так стремительно выросли в размерах, и так мгновенно исчезли из вида, что мы только успели вскинуть ружья и тут же их опустить. О какой очередности могла идти речь? Дай бог успеть выстрелить!

Ждать следующего пришествия пришлось недолго. Как только на диске солнца появились черные силуэты пернатых, мы тут же открыли огонь на поражение. Но, видно, малость поспешили. Утки со свистом пронеслись над нами в тот момент, когда из стволов, извиваясь, исходил сизый дымок сгоревшего пороха.

Мы перезарядили ружья и выставили их навстречу неуязвимой дичи.

– Надо стрелять, когда видишь зрачок глаза утки, – со знанием дела наставлял Николай. – Это наиболее верное расстояние.

С появлением первых очертаний следующих уток мы, увлеченные страстным желанием узреть утиные зрачки, прозевали момент выстрела. Я выразительно посмотрел на советчика, но промолчал. Николай виновато потупил взгляд.

– Я думаю, – не выдержал я, – надо начинать стрелять, как только нарисуетя голова. Причем по ней и бить, то есть без всякого упреждения. На штык.

При заходе очередной партии сосудообразной дичи мы выждали, когда можно было разглядеть голову птицы, и открыли огонь, но успели произвести только по одному выстрелу. Нажать на спусковой крючок во второй раз мы не смогли, потому что утки были уже за спиной. Стрелять же с разворота в угон мы объективно не успевали, потому что производили выстрелы с колена, и к тому же утки, миновав нас, сразу же исчезали за стеной тростника.

– Поздно начали стрелять, – заметил Николай.

И только с пятого раза после наших выстрелов упала первая утка. Данное обстоятельство развеяло миф о неуязвимости утки как объекта любительской охоты.

Мы продолжали отстреливаться. Собрать уток не оставалось времени. Стреляли уже не с колена, а стоя во весь рост, что положительно отразилось на результатах стрельбы.

Но темнело очень быстро, патроны таяли. Утки вихрем пронеслись над нами и тут же плюхались на воду.

Я поймал себя на мысли, что со стороны Вовика выстрелов не было. До него утки просто не долетали. И тут я заорал.

– Какого черта ты там сидишь? – имел я в виду Владимира Петровича. – У нас уже патронов нет. Скорей сюда.

Но Владимир Петрович был нем, как рыба.

Уже в полной темноте я произвел свой последний, поистине королевский выстрел. Стрелял на свист, не видя самих уток, и, к моему удивлению и радости, к ногам грохнулся крупный селезень кряквы.

С помощью фонарика мы принялись отыскивать убиенных птиц. В скольких мы попали, и кто именно из нас отличился – ответа не было. Если утки и падали, то за спиной, мы видеть их не могли. И не могли судить – подбитая или невредимая птица приводнялась с грохотом.

В итоге мы собрали восемь голов и отправились в лагерь. По пути луч света от фонарика выхватывал из темноты плавающих уток, которые уже не взлетали, потревоженные нами, а лишь потихоньку отплывали к середине озера. Но патронов у нас уже не было.

У костра сидели Владимир Петрович и Юрий. Нас дожидался плов из говяжьей тушенки, приготовленный Юрием Ивановичем, и прощальная стопка, венчавшая исход нашей битвы.

Я снял сапоги и протянул их Володе.

– Спасибо, выручил, – произнес я и, обращаясь к Николаю, отдал распоряжения на утро. – Завтра надо вернуться на наше место и внимательно осмотреть его. Там могут быть подранки. Да и на озере уток осталось много.

Это означало, что утро следующего дня я проведу в лагере, а у ребят остается еще один шанс для того, чтобы поставить победную точку в нашей охоте.

О «БАБЕ» И УТИНОЙ ОХОТЕ

Стремление украсить унылый пейзаж, привнести в однообразие ландшафта знаки человеческого присутствия в конкретной местности и при этом каким-то образом отобразить уровень культурного развития местного населения – живо у многих народов с незапамятных времен.

Примеров тому великое множество.

Советские ваятели по воле властей внесли в это всенародное движение свой неповторимый колорит. С той же целью – оживить неказистые картинки природы – по обочинам автомагистралей, проложенных в пустынной местности, они выставляли свои незабвенные творения, пронизанные трепетным отношением к идеологии того времени. Как и сам строй, эти скульптурные изображения были выполнены из железобетона и воплощали гегемонов общества – рабочих и крестьян, а также свидетельствовали о наличии в Стране Советов диких животных, чаще всего оленей и орлов...

I

Легендарный «Москвич-412» уносил нас, четырех молодых людей, еще недавних школьных приятелей, навстречу с «бабой».

Под «бабой» Владимир Петрович, владелец авто и инициатор данной поездки на утиную охоту, подразумевал железобетонную крестьянку со снопом хлебных злаков, установленную у шоссе на взгорке. Именно от изваяния труженицы села шла дорога на затерянное в пустыне прибалхашское озеро Алаколь – наш конечный пункт назначения.

По пути мы заехали в поселок Аксуек. Это было чистенькое, ухоженное поселение работников среднего машиностроения. К этой отрасли производства в СССР относились предприятия, работающие на «оборонку». Они имели особый статус и московское обеспечение. То есть в продуктовых магазинах по месту проживания трудящихся «СРЕДМАШа» можно было увидеть, а иногда и приобрести, различные колбасы, сыры, сигареты «Ява» и даже сгущенное молоко.

Отovarившись дефицитом, мы в приподнятом настроении двинулись к намеченной цели. До встречи с «бабой» оставалось проехать километров сорок.

Была пятница. Мы сорвались с работы перед обедом, рассчитывая еще засветло добраться до места и поохотиться на вечерней зорьке.

Время двигалось к исходу дня. И тут Юрий Иванович вспомнил, что с утра ничего не ел и осторожно поинтересовался.

– Может, перекусим?

Владимир Петрович тут же разразился гневной тирадой, как будто только и ждал этого вопроса.

– Ты способен думать о чем-то более важном, кроме своего желудка? Главное сейчас – засветло добраться до места.

– И успеть добыть себе на ужин еду, – продолжил я терзать легкомысленного Юрия Ивановича. – Не уповать на кусок колбасы, который ты урвал в сельпо, а насладиться жареной уткой под сметанным соусом.

– А лучше запеченной в глине, – встрял Славик. – Мясо запеченной в глине дикой утки удивительно сочное и нежное. А на гарнир можно испечь на костре яблоки.

– Ну, ты и гурман, Славик, – восторженно протянул я.

– А ты знаешь, – обращаясь ко мне, продолжил кулинарную тему Владимир Петрович, – какой плов приготовил на предыдущей охоте Славик?. Пальчики оближешь!

– Главное в плове что? – будоражил воображение голодных членов экипажа приободренный похвалой Славик. – Это рис, приготовленный по-особому. В этом процессе важно четко знать пропорции риса и воды. Остальное – дело техники.

Машина уносила нас к вожденной цели поездки – притаившейся в плавнях охотничьей удаче. За окном пролетали свежавыбеленные «орлы», «олени» и даже «шахтер» с отбойным молотком на плече, а «бабы» все не было.

Отмахав от Аксуека шестьдесят с лишним километров, мы повернули назад и продолжили поиски исчезнувшей «колхозницы».

– Ну, тут же где-то была, – недоумевал Владимир Петрович, охотившийся в этих местах в прошлом году. – Не могла же она сквозь землю провалиться? Она на пьедестале стояла. За километр видно было.

– Может, перекусить ушла? – невесело пробормотал я.

Моя шутка никого не развеселила, потому что надвигались сумерки, а мы отчаянно метались по шоссе, не зная, где свернуть к озеру.

Через час безуспешных поисков я предложил останавливать проезжающие автомобили и пытаться добыть у водителей какие-либо сведения о нашем ориентире.

Разволновавшийся Владимир Петрович выскочил на дорогу, остановил встречный грузовик и принялся выспрашивать шофера.

– Здравствуйте. Скажите, где тут «баба» была на обочине?

– Какая баба?

– Ну, со снопом сена стояла где-то здесь.

– Никого я не видел.

– Да не с сеном, – попытался я внести ясность, высунувшись из машины, – а с пшеницей.

– С какой еще пшеницей? Вы что, ребята? – стал уже нервничать шофер.

– Скульптура такая, – уточнил я, чувствуя, что своими вопросами запутали мужика.

– Не знаю, никого я не видел, – решительно отрезал водитель грузовика, хлопнул дверцей и рванул с места.

Все наши попытки выяснить местонахождение интересующего нас объекта у других автомобилистов также не увенчались успехом.

Наша «баба» в последний раз, словно мираж, неожиданно вспыхнула перед нашими пытливыми взорами в необозримом пространстве и медленно растворилась в сгущающихся сумерках, похоронив всякую надежду когда-либо встретиться с ней.

Наступила ночь, заставив нас дожидаться утра в машине.

Запивая сухой паек лимонадом «Дюшес» из аксуекского магазина, мы молча насыщали пустые желудки и думали каждый о своем.

– А может мы по... – вдруг заговорил повеселевший Юрий Иванович, но, не договорив, неожиданно разразился храпом.

Мы дружно растолкали его и попытались выяснить, что он имел ввиду, но Юрий Иванович, очнувшись от неожиданно охватившего его сна, ничего вразумительного пояснить не смог.

II

На рассвете, заспанные, мы тронулись в дорогу, глаза по сторонам в попытках найти первый попавшийся сверток с шоссе в направлении Алаколя.

Вскоре мы отыскали наезженную грунтовую дорогу и запылили навстречу судьбе.

Километров через десять пути въехали на бугорок, и перед нами открылась необычная картинка. Среди безжизненной степи одиноко двигался белый парус. Причем ни воды, ни самого плавсредства видно не было. Заметен был только один парус, который величественно возвышался над чахлой растительностью и словно скользил по земле.

Нас пронзила догадка.

– Вода! – Завопили мы в один голос.

Через полчаса остановились на берегу озера и спешно принялись расчехлять ружья.

Алаколь заметно обмелел, как заметил Владимир Петрович, даже по сравнению с прошлым годом, и чтобы добраться до чистой воды, где дно было плотнее, требовалось пройти не меньше полусотни метров по чавкающей топи, которая безжалостно засасывала всяк рискнувшего по ней пройти. Приходилось двигаться быстро, чтобы не увязнуть. Стоило только замешкаться и остановиться, как ноги медленно погружались в трясину и чувствовалось, как на стопу, а затем на голень наваливается тяжелая масса зыбкой почвы, будто неведомая силища цепко хватала за ноги и тянула вниз. При попытке высвободить одну ногу вторая под тяжестью перемещенного тела тут же с удвоенной силой уползала в пучину. Чтобы не остаться без сапог, из которых при каждом шаге ноги буквально выскальзывали, нужно было держать их обеими руками за голенища и так перемещаться в полусогнутом состоянии.

Скоро, усвоив особенности передвижения по топким местам, мы втроем (кроме Юрика) успешно миновали их и углубились в тростники, за плотной стеной которых вдоль прибрежной линии чередой тянулись небольшие плесы с укромными присадистыми уголками.

Юрий Иванович, как обычно, остался на берегу, не рискуя удаляться от лагеря более чем на расстояние прямой видимости. Во-первых, чтобы не заблудиться, а также избежать других проблем, которые могли неожиданно возникнуть в незнакомом месте. Во-вторых, не растрчивать попусту силы. Обычно он располагался в крайке тростниковых зарослей, где его никто не видел и не тревожил, с таким расчетом, чтобы можно было и стрельнуть, и прилечь, а то и соснуть часок-другой, при этом оставаясь как бы при деле, то бишь на охоте.

Как только мы достигли плесов, тут же разбрелись по разным сторонам. Я двинулся на север. Плесы оказались не глубокими, и можно было идти по середине водной глади. В диаметре они достигали 20-30 метров. По краям виднелись кочки, а дно оказалось сплошь заросшим розовыми водорослями и осокой. Достигнув перемычки между плесами, сквозь редкий тростник можно было видеть следующее зеркало воды.

Через три прохода я наткнулся на небольшую стайку уток, плавающих напротив входа. Как бы осторожно ни двигался, они все же услышали и наверняка заметили меня еще издали. Но не взлетели, а медленно подплыли к зарослям и скрылись из вида. Я не стал лезть напролом, а отыскал в тростнике сухое место и залег в надежде дожидаться, когда они выплывут на чистую воду сами.

Слева послышались два выстрела, и чуть поодаль от меня прошелестел небольшой табунчик чирков.

Я улегся на живот, рядом положил ружье и принялся внимательно осматривать часток тростника, пытаясь разглядеть затаившихся там уток. Время тянулось медленно. Лежать в одном положении, не двигаясь, было тяжело. Тишина стояла смертная. Я решил вздремнуть. Расслабился и закрыл глаза. Заснул мгновенно. Не помню, сколько так пролежал, но когда пробудился, утки плавали посредине плеса метрах в пятнадцати от меня. Какое-то время я рассматривал их. Это были красноголовые нырки, или, как их еще называют, голубая чернеть. Два селезня и три уточки. Головки самцов были окрашены в ярко-рыжие цвета. На горле виднелись небольшие белые пятнышки. Грудки, задняя часть тушек и небольшие, клинышком, хвостики блестящего черного цвета. Вся остальная часть спинок и крылья – чистого голубого цвета, с нежными темными поперечными струйками. Клювы черные с ярко-голубоватой перьевязью. Самочки по расположению красок на перьях напоминали самцов, но только они были полностью окрашены в ржаво-бурый цвет с разными оттенками.

Настолько красивы и величественны были эти птицы, что я невольно залюбовался ими. Стрелять в них у меня не поднялась рука. Какое-то время еще наблюдал за ними, затем встал. Утки с шумом взлетели. Я без сожаления посмотрел им вслед и побрел дальше.

На плесах уток не было, но из налетевшего табунка серой утки мне удалось выбить селезня.

Через пару часов хождения у самой переправы неожиданно взлетела одиноко сидящая серая утка, которая после выстрела стала последней добычей моей утренней охоты.

У «полосы препятствий», как шутя мы окрестили топь у берега, на кочках сидели и курили Владимир Петрович и Славик.

– Ну, как делишки, караси? – обратился я к приятелям.

– Ничего себе, мерси, – откликнулся начитанный Славик.

– А точнее, – допытывался я.

– По три взяли, – невозмутимо ответил Владимир Петрович.

– Ну, отлично. И у меня две. Как думаешь, Славик, на плов хватит?

– Вполне.

– Тогда вперед!

Услышав мой последний выстрел и наши голоса, из тростников выполз Юрий Иванович.

III

В лагере, не договариваясь, каждый из нас занялся делом. Владимир Петрович достал чайник, ведро и подался через полосу препятствий за чистой водой. Славик с Юрием Ивановичем, который взял тоже две утки, принялись ощипывать дичь. Я расставил стол, выставил съестные припасы и стал разжигать костер для приготовления чая.

Солнце стояло в зените и, несмотря на конец октября, нещадно палило. А ведь рано утром окна нашего автомобиля были покрыты тонким слоем изморози, и на придорожной растительности лежал иней.

Ну, таковы атмосферные метаморфозы Прибалхашья.

На обед доедали то, что осталось от вчерашней трапезы и возбужденно делились впечатлениями от охоты.

Из того, что нам удалось добыть, преимущественно была серая утка да парочка чирков-трескунков.

Минут через сорок вся обработанная дичь лежала у костра.

– Наверное, всех бросим в казан? – предложил я.

– Да, конечно, – категорично согласился Владимир Петрович.

– Не поместятся же, – подверг сомнению наши намерения Юрий Иванович.

– Укладем, не волнуйся, казан пятилитровый, – успокоил я его.

Готовить блюдо решили после вечерней зорьки, а до этого я обжарил лук с морковью и мясо уток, предварительно отделив его от костей, которые закопали поодаль как отходы производства.

Оставалось еще поставить палатку, с часок отдохнуть и отправиться на вечерянку.

Однако установить палатку оказалось делом не простым. Славик приобрел ее недавно, и собиралась она впервые. Особенно долго пришлось мороковать с набором трубок к ней. Славик вывалил их из чехла целую гору. Они вставлялись одна в другую, но непонятно было, для каких целей. Для стоек достаточно было шести трубок, по три на каждую стойку. Однако сочленяемых деталей мы насчитали пятнадцать.

– У тебя инструкция есть? – спросил я Славика.

– Была какая-то бумажка, но я ее выбросил.

– Надо налить по семь капель, – предложил Владимир Петрович, – иначе не разберемся.

Я набулькал каждому в кружку по пятьдесят граммов водки. Мы дружно выпили, закусили и вновь склонились над дюралевыми принадлежностями к палатке.

– Давайте отсортируем их по длине, – предложил я.

Разложили, и выяснилось, что они одной длины.

– Слушай, – спросил Владимир Петрович у Славика. – Как хоть называется эта головоломка?

Славик повертел чехол палатки и прочитал надпись.

– Палатка четырехместная, «ИЖОРА». ГОСТ читать?

– Ижора, Печора – что-то северное, – пробормотал я и развил эту мысль. – Им там делать нечего, так они долгими зимними вечерами и выдумывают всякую всячину. Зачем просто, когда можно сложно.

– Наверное, еще премию получили за внедрение чудо-техники, – высказался по поводу конструкторов палатки Владимир Петрович.

Славик молчал, словно чувствовал личную сопричастность к разработчикам и изготовителям обсуждаемого предмета легкой промышленности.

– Что делать будем? – обратился к присутствующим Владимир Петрович.

– Можно, конечно, и сверху на палатке спать, – отозвался я.

– Это идея, – подхватил Владимир Петрович. – На одну половину лечь, а другой укрыться.

Какое-то время все сидели молча, очевидно, представляя последний вариант в действии, потом я наткнулся на отсутствующий взгляд Юрия Ивановича и набросился на него.

– Ты бы не сидел без дела, а нарубил тростника. Все равно подстилать придется. В палатке или на палатке спать – роли не играет.

Юрий Иванович, получив четкую установку, молча взял топор и отправился рубить тростник, а мы продолжили перебирать злополучные трубки в надежде все-таки решить «палаточный» ребус.

В конце концов установили, что стоек не две, а три. И соединялись они по верху поперечной, составленной из шести сочлененных трубок. Третья стойка, по всей видимости, требовалась для того, чтобы не рухнула хлипкая конструкция, предназначенная для придания жесткости стыку наклонных плоскостей крыши.

Уже начало темнеть, когда нам удалось установить палатку и устроить в ней спальные места.

Идти в глубь озера было поздно, поэтому разбрелись по берегу.

Лёта дичи не наблюдалось, и лишь когда наступила полная темнота, слышался нарастающий характерный свист крыльев пролетающих поблизости уток да грузное шлепанье их на воду в прибрежных плесах. Луна еще не показалась, а утки шли с востока, где сгустилась черная мгла. Так что оставалось только присесть и вертеть головой, стараясь как-то разглядеть очертания птиц.

Я тешил себя тем, что наряду с укреплением мышц определенной группы, получил мощный эмоциональный заряд и эстетическое удовольствие от восприятия насыщенных полноценной жизнью звуков дикой природы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.